

УДК 159.9

EDN FHWULB

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-214-226>

Научная статья

Взаимосвязь воспитательной практики матерей, эмоционального состояния и суицидального риска у подростков с девиантным поведением

И. А. Горьковая ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
194100, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

Для цитирования: Горьковая, И. А. (2025) Взаимосвязь воспитательной практики матерей, эмоционального состояния и суицидального риска у подростков с девиантным поведением. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 214–226. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-214-226> EDN FHWULB

Получена 24 января 2025; прошла рецензирование 18 марта 2025; принята 8 апреля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. А. Горьковая (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена ростом суицидального риска в подростковом возрастном периоде, с одной стороны, и изменениями в институте семьи, снижением сплоченности и повышением агрессивности в детско-родительских отношениях, с другой стороны. Цель исследования состоит в изучении взаимосвязи между воспитательной практикой матерей подростков с девиантным поведением и показателями суицидального риска с учетом их эмоционального состояния.

Материалы и методы. В статье приводится анализ эмпирических данных, полученных на выборке 80 подростков с девиантным поведением (мелкие кражи, дерзость в отношении взрослых, прогулы в школе, повышенная конфликтность, эпизодическое употребление психоактивных веществ и т. п.). Исследование проведено в 2024 году. Использовались методика «Подростки о родителях» в адаптации Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной; «Опросник суицидального риска» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой; опросник DASS-21 в адаптации А. А. Золотаревой. Выборка была поделена на три группы: с низким, средним и высоким уровнями суицидального риска.

Результаты исследования. У подростков с девиантным поведением низкий уровень суицидального риска встречается у 21 % и высокий уровень — у 34 %. Первичная социализация происходит у 75 % подростков с девиантным поведением в дисфункциональных семьях, из них 50 % от общего числа подростков во внешне благополучных семьях. У подавляющего большинства подростков (78 %) с девиантным поведением выявлены нарушенные отношения с отцами вплоть до прерванных, несмотря на совместное проживание. При низком уровне суицидального риска преобладают показатели суицидального риска, связанные преимущественно с воспитательной практикой матерей, при этом наибольшее значение имеет «Непоследовательность». При среднем уровне суицидального риска взаимосвязей между воспитательной практикой матерей и показателями суицидального риска не выявлено, суицидальный риск взаимосвязан с тревогой, депрессией и стрессом. При высоком уровне суицидального риска его показатели связаны с воспитательными практиками («враждебность», «позитивность», «непоследовательность») и показателями эмоционального состояния в равной степени.

Заключение. Результаты могут быть использованы при индивидуальном психологическом сопровождении подростков с девиантным поведением с разным уровнем суицидального риска.

Ключевые слова: подростки, девиантное поведение, воспитательная практика, семья, суицидальный риск, эмоциональное состояние

Research article

The relationship of maternal parenting practices with emotional state and suicide risk in adolescents with deviant behavior

I. A. Gorkovaya ¹¹ Saint Petersburg State Pediatric Medical University, 2 Litovskaya Str., Saint Petersburg 194100, Russia

For citation: Gorkovaya, I. A. (2025) The relationship of maternal parenting practices with emotional state and suicide risk in adolescents with deviant behavior. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 214–226. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-214-226> EDN FHWULB

Received 24 January 2025; reviewed 18 March 2025; accepted 8 April 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. A. Gorkovaya (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The relevance of this study is determined by the increasing risk of suicide in adolescence and the transformation of the family institution, marked by declining cohesion and rising aggressiveness in child–parent relationships. The study aims to explore how maternal parenting practices are associated with suicidal risk indicators in adolescents with deviant behaviour, while also considering their emotional state

Materials and Methods. This article presents an analysis of empirical data collected in 2024 from a sample of 80 adolescents with deviant behavior (petty theft, insolence towards adults, truancy from school, increased conflict, occasional use of psychoactive substances, etc.). The following instruments were used: the Teenagers about Parents Questionnaire (adapted by L. Wasserman, I. Gorkovaya, E. Romitsyna), the Suicidal Risk Questionnaire by A. Shmelev (modified by T. Razuvaeva), and the DASS-21 questionnaire (adapted by A. Zolotareva). The sample was divided into groups exhibiting low, medium and high level of suicidal risk. **Results.** In adolescents with deviant behaviour, a low suicidal risk was observed in 21 %, a medium risk in 45 %, and a high risk in 34 % of respondents. It was found that 75 % of adolescents came from dysfunctional families, including 50 % from families that appeared outwardly positive. The vast majority (78 %) reported broken relationships with their fathers, including no interaction despite cohabitation. In adolescents with low suicidal risk, the strongest indicators of suicidal risk were mainly associated with maternal parenting practices, with ‘inconsistency’ being the most significant. In the medium-risk group, no correlations were established between maternal parenting practices and suicidal risk indicators; in this group, suicidal risk was associated with anxiety, depression, and stress. In adolescents with high suicidal risk, indicators of suicidal risk were equally associated with the maternal parenting practices ‘hostility’, ‘positivity’ and ‘inconsistency’, and the adolescents’ emotional state.

Conclusions. The results can be used in individual psychological support of adolescents with deviant behaviour exhibiting varying levels of suicide risk.

Keywords: adolescents, deviant behavior, educational practice, family, suicide risk, emotional state

Введение

Проблема суицидального поведения у подростков является актуальной, в первую очередь, из-за неутешительной статистики, констатирующей третье место суицидов в рейтинге причин молодежной смертности, причем некоторые авторы считают эти данные заниженными из-за их рассмотрения в контексте несчастных случаев (Алимов, Алимова 2023).

Выделяют различные детерминанты, повышающие суицидальный риск у подростков, к которым относят эмоциональное состояние, в первую очередь, депрессию и тревогу, степень стрессоустойчивости, уровень жизнестойкости,

способность к саморегуляции и т. д., но наибольшее значение придается взаимоотношениям в родительской семье. Не вызывает сомнения решающая роль детско-родительских отношений в развитии детей и их психологическом благополучии. Эта проблема является междисциплинарной, привлекающей внимание психологов, педагогов, юристов, социальных работников, медицинских работников. Семья — основа, фундамент для развития ребенка, для его социального функционирования не только в период проживания в родительской семье, но и на последующих этапах его жизненного пути.

В настоящее время отмечаются изменения в институте семьи, что не может не отразиться

на детско-родительских отношениях. Все чаще наблюдается комплекс суицидального поведения у подростков из вполне благополучных семей. Приводятся данные о том, что 78 % зарегистрированных суицидов совершили подростки из внешне вполне гармоничных семей (Петров и др. 2023). В связи с этим цель исследования состоит в изучении взаимосвязи между воспитательной практикой матерей подростков с девиантным поведением и показателями суицидального риска с учетом их эмоционального состояния.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

При рассмотрении детско-родительских отношений в контексте суицидальных рисков у детей и подростков акцентируется внимание на специфике дисфункциональных семей. К деструктивным факторам семейного воспитания обычно относят жестокое отношение к детям, личностные особенности родителей и употребление ими психоактивных веществ (Ирикина 2023), а также родительскую депривацию (Игнатова 2018), дефицит адаптивных способностей членов семьи на фоне негативного эмоционального фона (Клепикова, Нестерова 2020). Показано, что манипулятивное суицидальное поведение подростков на 50 % обусловлено сложными взаимоотношениями с родителями (Бабарахимова, Абдуллаева 2020), при этом авторы акцентируют внимание на латентных, скрытых от окружающих взрослых, в первую очередь от родителей, суицидальных рисков у подростков. На основе эмпирического исследования 60 подростков с нормативным поведением выявлено, что либеральный и авторитетный стиль воспитания снижают суицидальный риск, тогда как авторитарный стиль воспитания, наоборот, повышает его (Светогор, Шатюк 2022), а также провоцирует иные формы девиаций поведения, что нивелируется коррекцией авторитарного стиля воспитания и стимулированием сотрудничества в семейной системе (Гасанова 2022). Существует другое мнение, в соответствии с которым последствием либерального стиля родительского воспитания является пассивная жизненная позиция и недостаточное самообладание у детей (Кухтова и др. 2023), что снижает их стрессоустойчивость и повышает суицидальный риск. Другие исследователи обнаружили, что, несмотря на восприятие подростками мужского и женского пола воспитательной практики как позитивной со стороны матери и отца, все равно существует

суицидальный риск у подростков-мальчиков с высокими показателями «временной перспективы», у подростков-девочек с показателем «максимализм» (Михайлова 2023) на фоне повышения тревожности (Мишина 2024) с изменением представлений о жизненной перспективе (Углова и др. 2020). Особое внимание уделяется степени выраженности психопатологической симптоматики (за исключением расстройств психотического спектра) при высоком и низком уровне суицидального риска и при наличии депрессивной и соматической ослабленности, где к основному фактору, повышающему суицидальный риск у подростков с появлением психопатологической симптоматики, отнесено неадекватное субъективное восприятие значимых отношений подростков, в частности с родителями (Нагуманова 2020). В эмпирическом исследовании пациентов социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних доказано, что подростки с высоким уровнем безнадежности в нестандартных, стрессовых для них ситуациях ищут поддержку в семье, от наличия/отсутствия которой зависит степень выраженности антивитальной направленности, в то время как подростки с низким уровнем безнадежности склонны искать социальную поддержку у сверстников, педагогов и т. д. (Юсупов 2023).

Отдельно рассматривается вопрос о влиянии дисфункциональной родительской семьи на суицидальный риск у подростков. Приводится довольно много критериев различий между функциональной и дисфункциональной семьями, которые определяют разное понимание содержания понятия дисфункциональных семей. Одни авторы делают акцент на специфике исполнения родителями основных функций семьи, в первую очередь воспитательной, хозяйственно-бытовой функций и функции первичного социального контроля (Эйдемиллер и др. 2003). Другие авторы наибольшее значение придают отсутствию сплоченности между членами семьи (Павлова 2023), изменению коммуникаций (Лучинкина, Руденко 2022), агрессии со стороны отца (Дяченко, Разуваева 2022), насилия в семье (Васягина, Тактуева 2023), а также низкому уровню принятия и нетолерантному отношению родителей к неудачам и ошибкам подростков (Осипова, Дышлюк 2023) и т. д. Несмотря на разные взгляды на содержание понятия дисфункциональной семьи, все авторы сходятся во мнении о формировании деструктивных форм поведения и повышении суицидального риска у подростков при их социализации в дисфункциональных семьях.

Итак, все авторы констатируют взаимосвязь детско-родительских отношений и показателей суицидального риска у подростков, но единого мнения о характеристике семьи и возникновении суицидального риска не наблюдается. Большинство эмпирических исследований показывают, что позитивная и либеральная воспитательная практика родителей понижают суицидальный риск у подростков, тогда как враждебная и авторитарная воспитательная практика повышают. Однако в исследованиях последних лет констатируется, что даже позитивные и либеральные взаимоотношения между родителями и детьми не гарантируют отсутствия суицидального риска у современных подростков. Также не наблюдается единого мнения о показателях дисфункциональной семьи, тем не менее большинство авторов придерживаются мнения о том, что в дисфункциональных семьях повышается суицидальный риск у подростков. Анализ воспитательной практики родителей подростков с девиантным поведением может помочь более глубокому пониманию наличия/отсутствия суицидального риска, а также уровня выраженности суицидального риска у данного контингента подростков.

Организация и методы исследования

Объект исследования — подростки с девиантным поведением, предметом являются показатели суицидального риска и воспитательные практики в семьях подростков с девиантным поведением. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи исследования: проанализировать семейную систему в контексте ее функциональности/дисфункциональности; выявить частоту встречаемости низкого, умеренного и высокого уровня суицидального риска у подростков с девиантным поведением; проанализировать взаимосвязь воспитательной практики родителей с точки зрения их детей в подростковом возрастном периоде с показателями суицидального риска при разном уровне суицидального риска у подростков с учетом их эмоционального состояния.

Были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы: 1) враждебная и автономная воспитательные практики со стороны матери повышают суицидальный риск у подростков с девиантным поведением, тогда как позитивная воспитательная практика снижает суицидальный риск; 2) тревога, депрессия и стресс повышают суицидальный риск.

Сбор эмпирического материала проведен в 2024 году в специализированном образова-

тельном учреждении для несовершеннолетних. В выборку вошли 80 подростков с девиантным поведением: систематические мелкие кражи, нежелание учиться, эпизодическое употребление психоактивных веществ, повышенная конфликтность, дерзость в общении и т. п. Возраст респондентов 13–17 лет, они являются учащимися 7–11 классов, из них 35 % подростки женского пола и 65 % подростки мужского пола.

Исследование воспитательной практики проведено посредством опросника «Подростки о родителях» (ADOR) Е. Шафера, модификация З. Матейчика и П. Ржичана в адаптации Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной, куда входят шкалы «позитивной», «директивной», «враждебной», «автономной», «непоследовательной» воспитательных практик родителей (Вассерман и др. 2004). Анализ суицидального риска осуществлялся с помощью «Опросника суицидального риска» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой со шкалами «демонстративность», «аффективность», «уникальность», «несостоятельность», «социальный пессимизм», «слом культурных барьеров», «максимализм», «временная перспектива», «антисуицидальный фактор» (Разуваева 1993). Эмоциональное состояние рассматривалось при помощи методики DASS-21 с анализом шкал «депрессии», «тревоги» и «стресса» (Золотарева 2020). Родительские семьи подростков с девиантным поведением изучались в процессе полуструктурированного интервью, где фиксировались следующие показатели: полная/неполная семья; исполнение родительских функций: удовлетворение витальных потребностей ребенка, хозяйственная функция и осуществление социального контроля за поведением ребенка; проведение членами семьи досуга; традиции семьи; информированность о членах семьи: кем работают родители, их хобби и достижения; особенности общения с другими членами семьи и иные показатели.

В соответствии с целью исследования на основании показателя «антисуицидальный фактор» опросника «Суицидального риска» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой выделены три группы подростков: группа 1 — низкий уровень суицидального риска, отмечается у 21 % (17) подростков (Г1), группа 2 — средний уровень суицидального риска, встречается у 45 % (36) подростков (Г2), группа 3 — высокий уровень суицидального риска, обнаруживается у 34 % (27) подростков (Г3).

Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась при помощи пакета статистики SPSS-23 с расчетом описательных

статистик ($M \pm S$), критерия Краскела — Уоллиса (H), корреляционного анализа Спирмена (r).

Результаты и их обсуждение

В результате полуструктурированного интервью выявлено, что 82 % (66) подростков с девиантным поведением проживают в полных семьях, из них 30 % (21) с отчимами. Более двух последних лет не общаются с отцами 9 % (7) подростков, вспоминают о них негативно, эмоционально насыщено, рассказывают о систематических избиениях и оскорблениях членов семьи. Со слов подростков, 25 % (20) родительских семей можно отнести к криминальной субкультуре: близкие родственники отбывают/отбывали наказания в исправительно-трудовых учреждениях, имеют расширенные границы допустимого поведения (отношение к кражам, угонам автотранспорта и т. п. рассматривается как источник дохода, драки как проявление мужественности, систематическое употребление спиртных напитков и т. д.). Еще у 25 % (20) подростков родительские семьи можно отнести к традиционным семьям, но с нарушениями поведения у детей с раннего детства: трудности адаптации в детском саду, нарушение дисциплины в школе, импульсивность и т. д. Родители предпринимают усилия по контролю над ребенком, посещают психолога, невролога, педиатра, постоянно взаимодействуют с социальным педагогом, тем не менее происходят срывы. Как отмечают дети, дома всегда есть приготовленная еда, убрано, белье постирано и т. д. Подростки знают, кем работают и чем увлекаются их родители, могут рассказать хоть одну семейную историю, которая произошла до их рождения. В семье имеются и реализуются традиции, например, дети называют конкретный день ежегодного посещения кладбища с дальнейшим сбором родственников с обсуждением общих воспоминаний. Родители поддерживают увлечения детей при их наличии, организуют посещение кружков, спортивных секций, иногда дети совместно с родителями ездят на экскурсии и т. д.

Остальные 50 % (40) подростков отмечают, что дома есть еда, чисто, но родители много времени проводят на работе, в смартфоне, постоянно общаются в социальных сетях, играют в компьютерные игры, смотрят блогеров. Родители между собой общаются, иногда они вместе посещают шоу, концерты, но подростков обычно не берут с собой, аргументируя желанием побыть вдвоем, дороговизной билетов и т. д. Со слов подростков, члены семьи живут в какой-

то мере автономно. С родственниками отношений не поддерживают независимо от проживания с ними в одном городе или в разных. С бабушками и дедушками практически не общаются, так как родители по разным причинам «исключили» их из своей жизни. Как следствие, никаких историй семьи не знают, традиций в семье нет. В отношении подростков родители, с точки зрения их детей, также дистанцированы, не помогают им в разрешении возникающих проблем, не находят нужным их защищать. Подростки об этом рассказывают эмоционально-насыщено, вспоминают истории не только из настоящего, но и из раннего детства. Обращает на себя внимание равнодушие к родителям, потребительское отношение к ним со стороны детей в подростковом возрастном периоде.

Итак, 75 % родительских семей подростков с девиантным поведением можно отнести к дисфункциональным по разным показателям. Как отмечалось выше, у 25 % обследованных подростков социализация происходит в условиях криминальной субкультуры, что во многом определяет их девиантное поведение, еще в 50 % семей нарушены детско-родительские отношения, в первую очередь с отцами, и наблюдается автономность членов семьи с эмоциональной холодностью между родителями и подростками. При сравнении родительских семей у подростков с девиантным поведением отмечается снижение выходцев из неблагополучных семей с криминальной направленностью с 74–76 % по результатам исследований в 1989, 1996, 2004 годов (Горьковая 2005; Горьковая, Оксенчук 2023) до 25 % по результатам исследования 2024 года параллельно со значительным ростом подростков из внешне благополучных семей.

Впервые за многолетние проведения обследований подростков с девиантным поведением 78 % (62) подростков отказались заполнять опросник «Подростки о родителях» в отношении отцов. Аргументировали это или жестоким отношением с применением физического и/или психологического насилия, или демонстративным игнорированием, полным отстранением от жизни подростков. Из полуструктурированного интервью становится понятным два варианта механизма нарушения взаимоотношений между отцами и детьми: а) в ситуации конкретных проступков детей отцы пытались проводить воспитательные мероприятия, применяя разные тактики от бесед до санкций вплоть до оплеух и порки с требованием соблюдать правила поведения на фоне разногласий видения воспитания матерью ребенка; при отсутствии эффективности воспитательных мер и появления чувства

безысходности, роста напряженности в семье, у отца и ребенка-подростка принятие друг друга пропадает, возникают стойкие негативные переживания между ними и, как следствие, отец самоустранивается от воспитания; б) неготовность к родительству в принципе, с равнодушным отношением к ребенку, к его будущему с применением так называемого «либерального» стиля воспитания с изначальным самоустраниением от ответственности на фоне удовле-

ствия витальных потребностей ребенка на достаточно высоком уровне.

Сравнительный анализ показателей воспитательной практики матерей, суицидального риска и эмоционального состояния у подростков с девиантным поведением представлен в таблице 1.

Как показано в таблице 1, статистически значимых различий между воспитательными практиками матерей у подростков с девиантным

Табл. 1. Описательные статистики показателей воспитательной практики матерей и суицидального риска у подростков с девиантным поведением с разным уровнем суицидального риска Н критерий Краскала — Уоллиса для независимых выборок

Показатели	Г1 (n = 17) (M ± S)	Г2 (n = 36) (M ± S)	Г3 (n = 27) (M ± S)	H	p
Тревога	8,87 ± 5,65	6,34 ± 5,12	4,57 ± 3,60	0,042	p < 0,05 ^{abc}
Депрессия	8,18 ± 6,06	6,45 ± 5,25	5,84 ± 4,88	0,502	
Стресс	9,68 ± 5,98	6,48 ± 4,96	5,50 ± 4,94	0,054	
Позитивность	2,05 ± 0,82	2,31 ± 1,10	2,26 ± 1,07	0,856	
Директивность	2,41 ± 0,79	2,34 ± 1,02	2,30 ± 1,01	0,943	
Враждебность	3,47 ± 1,28	3,42 ± 1,37	2,88 ± 1,47	0,273	
Автономность	2,76 ± 1,20	2,88 ± 1,13	3,11 ± 1,07	0,559	
Непоследовательность	3,58 ± 0,87	3,45 ± 0,78	2,96 ± 1,07	0,127	
Демонстративность	2,82 ± 1,79	1,86 ± 1,29	1,40 ± 1,20	0,021	p < 0,05 ^a
Аффективность	3,74 ± 1,79	2,75 ± 1,69	1,99 ± 1,14	0,003	p < 0,01 ^a
Уникальность	2,40 ± 1,84	1,95 ± 1,25	0,80 ± 1,05	0,000	p < 0,001 ^{ac}
Несостоятельность	3,44 ± 1,81	3,00 ± 1,47	2,42 ± 1,15	0,161	
Социальный пессимизм	4,19 ± 1,35	3,80 ± 1,36	2,51 ± 1,34	0,000	p < 0,001 ^a
Слом культурных барьеров	3,02 ± 1,76	3,00 ± 1,53	2,12 ± 1,79	0,063	
Максимализм	3,01 ± 2,39	2,53 ± 2,52	1,89 ± 2,03	0,316	
Временная перспектива	2,32 ± 1,97	1,82 ± 1,43	1,30 ± 1,39	0,142	

Примечание: а — различия между Г1 и Г3, в — различия между Г1 и Г2, с — различия между Г1 и Г3 статистически достоверны; (p < 0,05; p < 0,01; p < 0,001).

Table 1. Descriptive statistics of maternal parenting practices and suicide risk indicators in adolescents with deviant behavior at different levels of suicide risk (H Kruskal–Wallis test for independent samples)

Indicators	G1 (n = 17) (M ± S)	G2 (n = 36) (M ± S)	G3 (n = 27) (M ± S)	H	p
Anxiety	8.87 ± 5.65	6.34 ± 5.12	4.57 ± 3.60	0.042	p < 0.05 ^{abc}
Depression	8.18 ± 6.06	6.45 ± 5.25	5.84 ± 4.88	0.502	
Stress	9.68 ± 5.98	6.48 ± 4.96	5.50 ± 4.94	0.054	
Positivity	2.05 ± 0.82	2.31 ± 1.10	2.26 ± 1.07	0.856	
Directiveness	2.41 ± 0.79	2.34 ± 1.02	2.30 ± 1.01	0.943	
Hostility	3.47 ± 1.28	3.42 ± 1.37	2.88 ± 1.47	0.273	
Autonomy	2.76 ± 1.20	2.88 ± 1.13	3.11 ± 1.07	0.559	
Inconsistency	3.58 ± 0.87	3.45 ± 0.78	2.96 ± 1.07	0.127	
Demonstrativeness	2.82 ± 1.79	1.86 ± 1.29	1.40 ± 1.20	0.021	p < 0.05 ^a

Table 1. Completion

Indicators	G1 (n = 17) (M ± S)	G2 (n = 36) (M ± S)	G3 (n = 27) (M ± S)	H	p
Affectivity	3.74 ± 1.79	2.75 ± 1.69	1.99 ± 1.14	0.003	p < 0.01 ^a
Uniqueness	2.40 ± 1.84	1.95 ± 1.25	0.80 ± 1.05	0.000	p < 0.001 ^{ac}
Helplessness	3.44 ± 1.81	3.00 ± 1.47	2.42 ± 1.15	0.161	
Social pessimism	4.19 ± 1.35	3.80 ± 1.36	2.51 ± 1.34	0.000	p < 0.001 ^a
Breaking down cultural barriers	3.02 ± 1.76	3.00 ± 1.53	2.12 ± 1.79	0.063	
Maximalism	3.01 ± 2.39	2.53 ± 2.52	1.89 ± 2.03	0.316	
Time perspective	2.32 ± 1.97	1.82 ± 1.43	1.30 ± 1.39	0.142	

Note: Statistically reliable differences: a — between G1 and G3 (p < 0.05); b — between G1 and G2 (p < 0.01); c — between G1 and G3 (p < 0.001).

поведением с разным уровнем суицидального риска не обнаружено. Обращает на себя внимание, что показатель «тревога» наиболее выражен у подростков с низким уровнем суицидального риска и статистически значимо снижается последовательно в группах подростков со средним и высоким уровнем суицидального риска. Видимо, повышенная тревожность является «предо-

хранительным клапаном» для аутоагрессивного поведения, в частности суицидального, у подростков с девиантным поведением.

Далее был проведен корреляционный анализ воспитательной практики матерей, показателей суицидального риска, тревоги, депрессии и стресса, результаты которого представлены в таблице 2.

Табл. 2. Взаимосвязь воспитательной практики матерей, показателей суицидального риска и эмоционального состояния

Шкалы	Позитивность	Директив-ность	Враждебность	Автономность	Непоследова-тельность
Группа 1 (17, 21%) Низкий уровень суицидального риска					
Тревога	0,029	0,315	0,355	0,176	0,522*
Депрессия	0,194	0,586*	0,190	0,164	0,559*
Стресс	-0,027	0,450	0,366	0,158	0,531*
Демонстративность	0,076	0,097	0,248	0,607**	0,543*
Аффективность	0,238	0,631**	-0,092	0,291	0,528*
Уникальность	0,064	0,208	0,389	0,496*	0,629**
Несостоятельность	0,005	0,181	0,269	0,145	0,584*
Социальный пессимизм	0,286	0,820**	0,289	0,218	0,491*
Слом культурных барьеров	0,203	-0,52	-0,092	0,258	0,489*
Максимализм	-0,392	0,181	0,237	0,260	0,567*
Временная перспектива	0,090	0,383	0,427	0,528*	0,801**
Группа 2 (36, 45%) Средний уровень суицидального риска					
Тревога	0,103	0,365*	0,340*	0,179	0,522*
Депрессия	0,054	0,322	0,419*	0,046	0,559*
Стресс	-0,041	0,452*	0,501*	0,097	0,531*
Демонстративность	0,161	0,288	-0,041	0,100	0,023
Аффективность	-0,012	0,234	0,287	0,062	0,064
Уникальность	0,013	0,223	0,139	0,182	0,035
Несостоятельность	-0,102	0,203	0,301	-0,258	0,159
Социальный пессимизм	0,101	-0,047	-0,012	-0,010	0,070
Слом культурных барьеров	0,109	-0,214	-0,172	0,206	-0,175
Максимализм	-0,163	0,035	0,011	-0,202	-0,089
Временная перспектива	-0,112	0,430*	0,402*	-0,285	0,311

Табл. 2. Продолжение

Шкалы	Позитивность	Директив-ность	Враждебность	Автономность	Непоследова-тельность
Группа 3 (27, 34%) Высокий уровень суицидального риска					
Тревога	0,315	0,366	0,465*	0,131	0,242
Депрессия	0,161	0,380	0,481*	0,039	0,284
Стресс	0,234	0,515**	0,434*	0,182	0,349
Демонстративность	-0,392*	0,132	0,407*	-0,104	0,205
Аффективность	-0,012	0,247	-0,009	0,232	0,103
Уникальность	-0,216	0,213	0,288	-0,127	0,420*
Несостоятельность	-0,426*	-0,153	0,044	-0,231	-0,136
Социальный пессимизм	-0,010	-0,136	0,003	0,180	-0,065
Слом культурных барьеров	-0,269	-0,131	0,044	0,020	-0,124
Максимализм	0,245	0,294	-0,203	0,150	0,003
Временная перспектива	-0,318	0,181	0,467*	-0,256	0,455*

Примечание: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$.

Table 2. Relationship between maternal parental practices, suicide risk indicators and emotional state

Scales	Positivity	Directiveness	Hostility	Autonomy	Inconsistency
Group 1 (17 respondents, 21%), low suicide risk					
Anxiety	0.029	0.315	0.355	0.176	0.522*
Depression	0.194	0.586*	0.190	0.164	0.559*
Stress	-0.027	0.450	0.366	0.158	0.531*
Demonstrativeness	0.076	0.097	0.248	0.607**	0.543*
Affectivity	0.238	0.631**	-0.092	0.291	0.528*
Uniqueness	0.064	0.208	0.389	0.496*	0.629**
Helplessness	0.005	0.181	0.269	0.145	0.584*
Social pessimism	0.286	0.820**	0.289	0.218	0.491*
Breaking down cultural barriers	0.203	-0.52	-0.092	0.258	0.489*
Maximalism	-0.392	0.181	0.237	0.260	0.567*
Time perspective	0.090	0.383	0.427	0.528*	0.801**
Group 2 (36 respondents, 45%), medium suicide risk					
Anxiety	0.103	0.365*	0.340*	0.179	0.522*
Depression	0.054	0.322	0.419*	0.046	0.559*
Stress	-0.041	0.452*	0.501*	0.097	0.531*
Demonstrativeness	0.161	0.288	-0.041	0.100	0.023
Affectivity	-0.012	0.234	0.287	0.062	0.064
Uniqueness	0.013	0.223	0.139	0.182	0.035
Helplessness	-0.102	0.203	0.301	-0.258	0.159
Social pessimism	0.101	-0.047	-0.012	-0.010	0.070
Breaking down cultural barriers	0.109	-0.214	-0.172	0.206	-0.175
Maximalism	-0.163	0.035	0.011	-0.202	-0.089
Time perspective	-0.112	0.430*	0.402*	-0.285	0.311
Group 3 (27, respondents 34%), high suicide risk					
Anxiety	0.315	0.366	0.465*	0.131	0.242
Depression	0.161	0.380	0.481*	0.039	0.284
Stress	0.234	0.515**	0.434*	0.182	0.349

Table 2. Completion

Scales	Positivity	Directiveness	Hostility	Autonomy	Inconsistency
Demonstrativeness	-0.392*	0.132	0.407*	-0.104	0.205
Affectivity	-0.012	0.247	-0.009	0.232	0.103
Uniqueness	-0.216	0.213	0.288	-0.127	0.420*
Helplessness	-0.426*	-0.153	0.044	-0.231	-0.136
Social pessimism	-0.010	-0.136	0.003	0.180	-0.065
Breaking down cultural barriers	-0.269	-0.131	0.044	0.020	-0.124
Maximalism	0.245	0.294	-0.203	0.150	0.003
Time perspective	-0.318	0.181	0.467*	-0.256	0.455*

Note: * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$.

Как показано в таблице 2, у подростков с девиантным поведением с низким уровнем суицидального риска значимых прямых взаимосвязей как с «позитивной», так и с «враждебной» воспитательной практикой со стороны матери не выявлено. При этом «непоследовательная» воспитательная практика взаимосвязана со всеми рассматриваемыми показателями суицидального риска, а также с тревогой, депрессией и стрессом. Следовательно, подростки с низким уровнем суицидального риска наиболее «чувствительны» к непоследовательной воспитательной практике со стороны матери в контексте суицидального риска и негативного эмоционального состояния. На втором месте по значимости находится «автономная» воспитательная практика, при которой подростки пытаются привлечь к себе внимание матери на фоне неумения учиться на примерах переживания проблем другими людьми и успешного их преодоления, а также уверенности в уникальности, нестандартности возникающих проблем с невозможностью их преодолеть обычными способами и желанием решать их радикальным способом. Также для рассматриваемой группы подростков значимым является «директивная» воспитательная практика, которая взаимосвязана с двумя показателями суицидального риска — «аффективность» и «социальный пессимизм», выражающимися в повышенном эмоциональном реагировании и пессимистичным взглядом на мир и свои возможности.

У подростков с девиантным поведением со средним уровнем суицидального риска значимых взаимосвязей с воспитательными практиками со стороны матери не обнаруживается, при этом «враждебная», «автономная» и «непоследовательная» воспитательные практики напрямую связаны с тревогой, депрессией и стрессом у подростков с девиантным поведением.

Для подростков с высоким уровнем суицидального риска наибольшее значение приобретает «враждебная» воспитательная практика со стороны матери, которая определяет негативное эмоциональное состояние, а также взаимосвязана с такими показателями суицидального риска, как «демонстративность» и «временная перспектива». Только у подростков с высоким суицидальным риском наблюдаются обратные взаимосвязи показателей суицидального риска «демонстративность» и «несостоятельность» с «позитивной» воспитательной практикой со стороны матери,

Обращает на себя внимание, что показатель суицидального риска «временная перспектива» имеет наибольшее количество взаимосвязей с воспитательными практиками матерей, что указывает на затруднения при планировании будущего, отсутствие позитивного видения мира и себя в нем, возможно, из-за излишней погруженности в текущие проблемы у подростков с девиантным поведением с разным уровнем суицидального риска.

Таким образом, первая гипотеза подтверждается в группе подростков с девиантным поведением с высоким суицидальным риском, где зафиксированы две прямые взаимосвязи показателей суицидального риска с «враждебной» воспитательной практикой и две обратные взаимосвязи с «позитивной» воспитательной практикой. В группах подростков с низким и средним уровнем суицидального риска эта гипотеза не подтвердилась, так как «позитивная» и «враждебная» воспитательные практики со стороны матери у подростков с девиантным поведением с низким и средним уровнем суицидального риска не взаимосвязаны ни с одним показателем суицидального риска, кроме показателя «временная перспектива» у подростков со средним уровнем суицидального риска.

«Автономная» воспитательная практика не взаимосвязана ни с одним показателем суицидального риска у подростков со средним и высоким уровнем суицидального риска, тогда как с низким уровнем суицидального риска обнаруживается взаимосвязь с тремя показателями. В группе подростков с низким уровнем суицидального риска ведущей является «непоследовательная» воспитательная практика, которая взаимосвязана со всеми показателями суицидального риска.

Вторая гипотеза подтвердилась, так как в каждой из трех групп подростков с разным уровнем суицидального риска выявлены статистически значимые взаимосвязи с тревогой, депрессией и стрессом, что наиболее ярко проявляется в группе подростков с девиантным поведением со средним уровнем суицидального риска.

Выводы

У большинства подростков с девиантным поведением (75 %) первичная социализация происходит в дисфункциональных семьях, но по сравнению с исследованиями конца XX начала XXI века значительно снижается количество родительских семей криминальной направленности наряду с увеличением числа внешне благополучных семей. Также у большинства обследованных подростков с девиантным поведением констатируется нарушение взаимоотношений с отцами, у которых снижен воспитательный потенциал с «психологическим отказом» от собственных детей вследствие неэффективности длительных воспитательных мероприятий или выявлена неготовность к родительству.

Высокий суицидальный риск обнаружен у каждого третьего подростка с девиантным поведением, низкий уровень суицидального риска выявлен у каждого пятого подростка с девиантным поведением.

У подростков с низким уровнем суицидального риска выявлено наибольшее количество взаимосвязей с воспитательной практикой матери, в первую очередь, с «непоследовательностью», тогда как у подростков со средним уровнем суицидального риска воспитательная практика со стороны матери взаимосвязана только с одним показателем. У подростков с высоким суицидальным риском наибольшее значение имеет «враждебная», «позитивная» и «непоследовательная» воспитательные практики.

У подростков с низким уровнем суицидального риска наибольшее значение в контексте суицидального риска имеет воспитательная практика со стороны матери, тогда как у под-

ростков со средним уровнем суицидального риска — эмоциональное состояние, а у подростков с высоким уровнем суицидального риска воспитательная практика со стороны матери, депрессия, тревога и стресс имеют равное значение.

Полученные результаты позволяют конкретизировать первичную и вторичную профилактику суицидального риска у подростков с девиантным поведением, а также проводить психокоррекционные мероприятия в семейной системе «родители — дети» и повышать родительскую компетентность с учетом особенностей поведения у детей и подростков.

Ограничения проведенного исследования связаны с отсутствием группы сравнения подростков с условно нормативным поведением. Перспективы исследования связаны с выявлением различий или сходства во взаимосвязи воспитательной практики родителей и показателей суицидального риска подростков с учетом их эмоционального состояния, пола, возраста, особенностей их образовательного маршрута при разном состоянии психического и соматического здоровья.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author reports that the study complied with the ethical principles applicable to research involving humans and animals.

Заявление о доступности данных

Данные недоступны по этическим причинам.

Data Availability Statement

The access to the reported data cannot be provided for ethical reasons.

Литература

- Алимов, А. О., Алимова, Н. И. (2023) Современное состояние исследований риска суицидального поведения личности. *Международный научно-исследовательский журнал*, № 1 (127). [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.133> (дата обращения 20.01.2025).
- Бабарахимова, С. Б., Абдуллаева, В. К. (2020) Идентификация суицидального риска у подростков с учетом типов семейных отношений. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, т. 20, № 1, с. 59–64. EDN: VGAVSN
- Бассерман, Л. И., Горьковая, И. А., Ромицына, Е. Е. (2004) *Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике*. СПб.: Речь, 256 с.
- Васягина, Н. Н., Тактуева, Ю. Г. (2023) Особенности внутрисемейных взаимоотношений у подростков с саморазрушающим поведением. *Педагогическое образование в России*, № 6, с. 249–255. EDN: WQCEIA
- Гасанова, Г. (2022) Учет влияния стиля семейного воспитания на развитие агрессивного поведения у подростков в контексте психокоррекционной и психопрофилактической работы психолога. *Психология человека в образовании*, т. 4, № 1, с. 112–120. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-1-112-120>
- Горьковая, И. А. (2005) *Личность подростка-правонарушителя*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 234 с.
- Горьковая, И. А., Оксенчук, А. О. (2023) Сравнительный анализ воспитательной практики родителей подростков мужского и женского пола с устойчивым противоправным поведением в 2004 и 2020 гг. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 3, с. 376–386. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-376-386>
- Дяченко, А. А., Разуваева, Т. Н. (2022) Особенности образа мира студентов, склонных к суицидальному поведению. *Педагогика и психология образования*, т. 8, № 3, с. 146–157. <https://www.doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-13>
- Золотарева, А. А. (2020) Систематический обзор психометрических свойств Шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Обзор психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*, № 2, с. 26–37. <https://www.doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-26-37>
- Игнатова, Е. С. (2018) Родительская депривация как фактор суицидального риска у подростков. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, т. 7, № 2А, с. 72–82. EDN: UWOAJE
- Ирикина, А. А. (2023) Роль семьи в формировании девиантного поведения у подростков. *Наукофера*, № 2 (1), с. 139–144. EDN: RSRDIH
- Клепикова, Н. М., Нестерова, С. Б. (2020) Дисфункциональная семья как фактор формирования девиаций у подростков. *СМАЛЬТА*, № 4, с. 66–80. EDN: CZTAXO
- Кухтова, Н. В., Сотникова, Е. И., Белановская, М. А. (2023) Измерение стилей семейного воспитания детей и механизмов социального научения. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 2, с. 283–304. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-283-304>
- Лучинкина, А. И., Руденко, Е. С. (2022) Особенности коммуникативного поведения личности подростков с разными уровнями суицидальных рисков при смене реальности. *Российский психологический журнал*, т. 19, № 2, с. 118–128. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.9>
- Михайлова, И. В. (2023) Роль семейных отношений в проявлении тревожности и суицидального риска у подростков. В кн.: *Проблемы психологического благополучия. Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции*. Екатеринбург; Фергана: Изд-во Уральского государственного педагогического университета; Изд-во Ферганского государственного университета, с. 112–116. EDN: SPWYRJ
- Мишина, С. С. (2024) *Подростковый суицид: анализ механизмов и психологическая превенция*. СПб.: Скифия-принт, 168 с.
- Нагуманова, Э. Р. (2020) Различия психологического профиля подростков с высоким и низким уровнем суицидального риска. В кн.: А. Г. Дмитриева (ред.). *Психология диалога и мир человека. Т. 4*. Уфа; М.: Башкирский государственный университет, с. 202–206.
- Осипова, А. А., Дышло, И. С. (2023) Исследование взаимосвязи девиантного поведения подростков со стилем родительского отношения. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, т. 12, № 9А, с. 108–118. EDN: WAXAKF
- Павлова, А. А. (2023) Особенности семейного взаимодействия у подростков со склонностью к суицидальному поведению. В кн.: *Молодежная наука и современность. Материалы 88 Международной научной конференции студентов и молодых ученых: в 4 т. Т. 2*. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, с. 120–122. EDN: SVHLYS
- Петров, Д. С., Самойлов, Т. В., Варнавская, Е. И. (2023) Реализация концепции ответственного родительства в семьях с подростками суицидального риска. В кн.: *Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. XVII Ковалевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции*. СПб.: Изд-во Сциентиа, с. 1956–1958. EDN: HLTZLF
- Разуваева, Т. Н. (1993) *Диагностика личности*. Шадринск: Исеть, 280 с.
- Светогор, Д. Д., Шатюк, Т. Г. (2022) Суицидальные риски у подростков из семей с разным стилем детско-родительских отношений. В кн.: М. А. Крылова (ред.). *Молодежь и государство: научно-методологические*

социально-педагогические и психологические аспекты развития современного образования, международный и российский опыт. Сборник трудов XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, с. 92–98.

- Углова, А. Б., Богдановская, И. М., Королева, Н. Н., Микляева, А. В. (2020) Представления о жизненной перспективе учащихся старших классов с различным уровнем личностной зрелости. *Science for Education Today*, т. 10, № 6, с. 55–73. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2006.04>
- Эйдемиллер, Э. Г., Добряков, И. В., Никольская, И. Н. (2003) *Семейный диагноз и семейная психотерапия*. СПб.: Речь, 338 с.
- Юсупов, П. Р. (2023) Антивитальная направленность поведения подростков в социально опасном положении в контексте безнадежности. *Межкультурная коммуникация в образовании и медицине*, № 2, с. 72–84. EDN: ILVIWX

References

- Alimov, A. O., Alimova, N. I. (2023) Sovremennoe sostoyanie issledovaniy riska suitsidal'nogo povedeniya lichnosti [The current state of research on the risk of suicidal personality behavior]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal — International Research Journal*, no. 1 (127). [Online]. Available at: <https://www.doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.133> (accessed 20.01.2025). (In Russian)
- Babarakhimova, S. B., Abdullaeva, V. K. (2020) Identifikatsiya suitsidal'nogo riska u podrostkov s uchetom tipov semejnykh otnoshenij [The identify suicidal risk in adolescents, taking into account types of family relationship]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov — Mental Health of Children and Adolescent*, vol. 20, no. 1, pp. 59–64. (In Russian)
- Dyachenko, A. A., Razuvaeva, T. N. (2022) Osobennosti obraza mira studentov, sklonnykh k suitsidal'nomu povedeniyu [Features of the image of the world of students prone to suicidal behavior]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya — Pedagogy and Psychology of Education*, vol. 8, no. 3, pp. 146–157. <https://www.doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-13> (In Russian)
- Ejdemiller, E. G., Dobryakov, I. V., Nikol'skaya, I. N. (2003) *Semejnyj diagnost i semejnaya psikhoterapiya [Family diagnosis and family psychotherapy]*. Saint Petersburg: Rech' Publ., 338 p. (In Russian)
- Gasanova, G. (2022) Uchet vliyaniya stilya semejnogo vospitaniya na razvitie agressivnogo povedeniya u podrostkov v kontekste psikhokorreksionnoj i psikhoprofilakticheskoy raboty psikhologa [Consideration of the influence of family parenting style on the development of aggressive behavior in adolescents in the context of psychocorrective and psychoprophylactic work of a psychologist]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 4, no. 1, pp. 112–120. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-1-112-120> (In Russian)
- Gorkovaya, I. A. (2005) *Lichnost' podrostka-pravonarushitelya [The personality of a juvenile offender]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 234 p. (In Russian)
- Gorkovaya, I. A., Oksenchuk, A. O. (2023) Sravnitel'nyy analiz vospitatel'noj praktiki roditel'ey podrostkov muzhskogo i zhenskogo pola s ustojchivym protivopravnym povedeniem v 2004 i 2020 gg. [Comparative analysis of the educational practices of parents of male and female adolescents with persistent illegal behavior in 2004 and 2020]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 3, pp. 376–386. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-376-386> (In Russian)
- Ignatova, E. S. (2018) Roditel'skaya deprivatsiya kak faktor suitsidal'nogo riska u podrostkov [Parental deprivation as a factor of suicide risk in adolescents]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya — Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, vol. 7, no. 2 A, pp. 72–82. (In Russian)
- Irikina, A. A. (2023) Rol' sem'i v formirovanii deviantnogo povedeniya u podrostkov [The role of family in the formation of deviant behavior in adolescents]. *Naukosfera*, no. 2 (1), pp. 139–144. (In Russian)
- Klepikova, N. M., Nesterova, S. B. (2020) Disfunktsional'naya sem'ya kak faktor formirovaniya devyatsij u podrostkov [Dysfunctional family as a factor in the formation of deviations in adolescents]. *SMALTA*, no. 4, pp. 66–80. (In Russian)
- Kukhtova, N. V., Sotnikova, E. I., Belanovskaya, M. L. (2023) Izmerenie stilej semejnogo vospitaniya detej i mekhanizmov sotsial'nogo naucheniya [Measuring family parenting styles and social learning mechanisms]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 2, pp. 283–304. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-283-304> (In Russian)
- Luchinkina, A. I., Rudenko, E. S. (2022) Osobennosti kommunikativnogo povedeniya lichnosti podrostkov s raznymi urovnymi suitsidal'nykh riskov pri smene real'nosti [The peculiarities of the communicative behavior of adolescents with different levels of suicidal risks in changing reality]. *Rossiyskiy psikhologicheskij zhurnal — Russian Psychological Journal*, vol. 19, no. 2, pp. 118–128. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.9> (In Russian)
- Mikhajlova, I. V. (2023) Rol' semejnykh otnoshenij v proyavlenii trevozhnosti i suitsidal'nogo riska u podrostkov [The role of family relationships in the manifestation of anxiety and suicide risk in adolescents]. In: *Problemy psikhologicheskogo blagopoluchiya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy onlajn-konferentsii [Problems of psychological well-being. Proceedings of the International Scientific and Practical Online Conference]*. Ekaterinburg; Fergana: Ural State Pedagogical University Publ.; Fergana State University Publ., pp. 112–116. (In Russian)

- Mishina, S. S. (2024) *Podrostkovyj suitsid: analiz mekhanizmov i psikhologicheskaya preventsiya* [Adolescent suicide: Analysis of mechanisms and psychological prevention]. Saint Petersburg: Skifiya-print Publ., 168 p. (In Russian)
- Nagumanova, E. R. (2020) Razlichiya psikhologicheskogo profilya podrostkov s vysokim i nizkim urovnem suitsidal'nogo riska [Differences in the psychological profile of adolescents with high and low suicide risk]. In: L. G. Dmitrieva (ed.). *Psikhologiya dialoga i mir cheloveka. T. 4* [Psychology of dialogue and the human world. Vol. 4]. Ufa; Moscow: Ufa University of Science and Technology Publ., pp. 202–206. (In Russian)
- Osipova, A. A., Dyshlyuk, I. S. (2023) Issledovanie vzaimosvyazi deviantnogo povedeniya podrostkov so stilem roditel'skogo otnosheniya [Study of the relationship between deviant behavior of adolescents and parental attitude style]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya — Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, vol. 12, no. 9A, pp. 108–118. <https://www.doi.org/10.34670/AR.2023.53.10.015> (In Russian)
- Pavlova, A. A. (2023) Osobennosti semejnogo vzaimodejstviya u podrostkov so sklonnost'yu k suitsidal'nomu povedeniyu [Features of family interaction in adolescents with a tendency to suicidal behavior]. In: *Molodezhnaya nauka i sovremennost. Materialy 88 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii studentov i molodykh uchenykh: v 4 t. T. 2* [Youth science and modernity. Proceedings of the 88th International Scientific Conference of Students and Young Scientists: In 4 vols. Vol. 2]. Kursk: Kursk State Medical University Publ., pp. 120–122. (In Russian)
- Petrov, D. S., Samojlov, T. V., Varnavskaya, E. I. (2023) Realizatsiya kontseptsii otvetstvennogo roditel'stva v sem'yakh s podrostkami suitsidal'nogo riska [Implementation of the concept of responsible parenting in families with suicidal adolescents]. In: *Rossiyskoe obshchestvo segodnya: tsennosti, instituty, protsessy. XVII Kovalevskie chteniya. Materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii* [Russian society today: values, institutions, processes. XVII Kovalevsky readings. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Saint Petersburg: Stsientia Publ., pp. 1956–1958. (In Russian)
- Razuvaeva, T. N. (1993) *Diagnostika lichnosti* [Personality diagnosis]. Shadrinsk: Iset' Publ., 280 p. (In Russian)
- Svetogor, D. D., Shatyuk, T. G. (2022) Suitsidal'nye riski u podrostkov iz semej s raznym stilem detsko-roditel'skikh otnoshenij [Suicidal risks in adolescents from families with different styles of child-parent relationships]. In: M. A. Krylova (ed.). *Molodezh' i gosudarstvo: nauchno-metodologicheskie, sotsial'no-pedagogicheskie i psikhologicheskie aspekty razvitiya sovremennogo obrazovaniya, mezhdunarodnyj i rossijskij opyt. Sbornik trudov XII Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Youth and the state: scientific, methodological, socio-pedagogical and psychological aspects of the development of modern education, international and Russian experience. Proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation]. Tver: Tver State University Publ., pp. 92–98. (In Russian)
- Uglova, A. B., Bogdanovskaya, I. M., Koroleva, N. N., Miklyaeva, A. V. (2020) Predstavleniya o zhiznennomj perspektive uchashchikhsya starshikh klassov s razlichnym urovnem lichnostnoj zrelosti [Ideas about the life perspective of high school students with different levels of personal maturity]. *Science for Education Today*, vol. 10, no. 6, pp. 55–73. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2006.04> (In Russian)
- Vasserman, L. I., Gorkovaya, I. A., Romitsyna, E. E. (2004) *Roditeli glazami podrostka: psikhologicheskaya diagnostika v mediko-pedagogicheskoy praktike* [Parents through the eyes of a teenager: Psychological diagnostics in medical and pedagogical practice]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 256 p. (In Russian)
- Vasyagina, N. N., Taktueva, Yu. G. (2023) Osobennosti vnutrisemejnykh vzaimootnoshenij u podrostkov s samorazrushayushchim povedeniem [Features of intra-family relationships in adolescents with self-destructive behavior]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii — Pedagogical Education in Russia*, no. 6, pp. 249–255. (In Russian)
- Yusupov, P. R. (2023) Antivital'naya napravlennost' povedeniya podrostkov v sotsial'no opasnom polozhenii v kontekste beznadezhnosti [The anti-social orientation of adolescents' behavior in a socially dangerous situation in the context of hopelessness]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v obrazovanii i meditsine*, no. 2, pp. 72–84. (In Russian)
- Zolotareva, A. A. (2020) Sistematischeskij obzor psikhometricheskikh svojstv Shkaly depressii, trevogi i stressa (DASS-21) [Systematic review of the psychometric properties of the Depression Anxiety and Stress Scale-21 (DASS-21)]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V. M. Bekhtereva — V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, no. 2, pp. 26–37. <https://www.doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-26-37> (In Russian)

Сведения об авторе

Ирина Алексеевна Горьковская, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психосоматики и психотерапии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет
SPIN-код: 1604-2157, Scopus AuthorID: 42761436800, ORCID: 0000-0002-1488-4746, e-mail: iralgork@mail.ru

Author

Irina A. Gorkovaya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychosomatics and Psychotherapy, Saint Petersburg State Pediatric Medical University
SPIN: 1604-2157, Scopus AuthorID: 42761436800, ORCID: 0000-0002-1488-4746, e-mail: iralgork@mail.ru